

Двенадцатая ночь

Автор:

[Вильям Шекспир](#)

Двенадцатая ночь. Перевод Юрия Лифшица

Вильям Шекспир

«Двенадцатая ночь» – последняя комедия В. Шекспира, в которой он прощается с комедийным жанром как таковым. Веселая путаница, блестящий, но немного грустный юмор, гимн во славу жизни, отрицание мрачных сторон бытия – все это прекрасно передано в новом переводе поэта и переводчика Юрия Лифшица. Данный перевод был с успехом поставлен на сцене Омского ТЮЗа в 2012 г. В оформлении обложки использована картина английского художника Уолтера Деверелла (1827—1854) «Двенадцатая ночь».

Двенадцатая ночь

Перевод Юрия Лифшица

Вильям Шекспир

Переводчик Юрий Лифшиц

© Вильям Шекспир, 2017

© Юрий Лифшиц, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-2575-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

ОРСИНО, герцог иллирийский.

СЕБАСТЬЯН, брат Виолы.

АНТОНИО, капитан корабля, друг Себастьяна.

КАПИТАН корабля, друг Виолы.

ВАЛЕНТИН, КУРИО, придворные Орсино.

СЭР ТОБИ БЕЛЧ (ТОБИ), дядя Оливии.

СЭР ЭНДРЮ ЭГЬЮЧИК (ЭНДРЮ).

МАЛЬВОЛИО, дворецкий Оливии.

ФАБИАН, слуга Оливии.

ШУТ ФЕСТЕ (ФЕСТЕ).

ОЛИВИЯ, богатая графиня.

ВИОЛА, сестра Себастьяна.

МАРИЯ, служанка Оливии.

ПРИДВОРНЫЕ, СВЯЩЕННИК, МОРЯКИ, ОФИЦЕР, СТРАЖНИК, МУЗЫКАНТЫ и ДРУГИЕ СЛУГИ.

Место действия – столица Иллирии; берег моря.

Акт первый. Сцена первая

Дворец герцога Орсино.

Входят ОРСИНО, КУРИО, ПРИДВОРНЫЕ и МУЗЫКАНТЫ.

ОРСИНО. Гармонией питается любовь,

Поэтому играйте, чтобы страсть,

Наевшись до отвала, умерла

От пресыщенья. Вот он, тот мотив,

Те звуки, ниспадающие нежно

Мне прямо в душу, – точно теплый ветер

Фиалкам возвращает луговым

Украденный у них же аромат.

Ну, хватит, надоело! А когда-то

Я эту песню слушал без конца.

О дух любви! Бодрись ты и пьянишь,

И, словно океан, вбираешь все.

Но мигом все меняется в тебе:

И ценность подвергается уценке,

И нечто превращается в ничто.

Настолько чудны образы любви,

Что лишь воображение чудесно. —

Что, Курио, тебе?

КУРИО. Вы на охоту

Сегодня собираетесь, милорд?

ОРСИНО. Не знаю.

КУРИО. Затравили бы оленя...

ОРСИНО. Я сам затравлен – самому себе

Кажусь животным этим благородным.

В тот дивный миг, когда глаза мои

Оливию увидели впервые,

Целебным ядовитый воздух стал,

А я – оленем. С той поры меня

Мечты мои, как бешеные псы,

Немилосердно гонят.

Входит ВАЛЕНТИН.

Как дела?

Что говорит она?

ВАЛЕНТИН. Милорд, простите,

Меня к ней не пустили, но служанка

Ответила мне так: лица графини

И воздух не овеет до тех пор,

Пока семь раз не сгинет летний зной.

Удел ее: монашеский платок
И темные покои, где она
Солеными слезами истекая,
Почившего оплакивает брата,
Чей образ будет вечно молодым
В ее печальной памяти хранится.
ОРСИНО. Какое сердце! Дивное создание!
Уж если брату отдает долги,
То как она полюбит, если в ней
Все мысли посторонние сожжет
Любовью золоченая стрела;
А сердце, мозг и печень – три державы,
Исполненные девичьих достоинств,
Один король захватит. – Выйдем в сад,
Где и меня, и мой любовный хмель
Заворожит цветочная постель.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена вторая

Берег моря.

Входят ВИОЛА, КАПИТАН и МОРЯКИ.

ВИОЛА. Случайно не в Иллирию, друзья,

Попали мы?

КАПИТАН. В Иллирию, миледи.

ВИОЛА. Здесь нечего мне делать, если брат

В Элизиум ушел. Была ль возможность

И у него спастись, мой капитан?

КАПИТАН. У вас была возможность – вы спаслись...

ВИОЛА. Мой бедный брат, он тоже выплыть мог.

КАПИТАН. Конечно, мог. И я вас успокою.

Когда, покинув тонущий корабль,

Вы и остатки спасшейся команды

Забрались в шлюпку, я успел заметить,

Что брат ваш не утратил хладнокровья,

Призвал на помощь смелость и надежду,

Себя к обломку мачты привязал,

Что рядом оказался, и по морю

Поплыл, как на дельфине Арион.

Пока его я видеть мог, с волнами

Справлялся он.

ВИОЛА. Вот золото тебе

За сообщенье. То, что мы в живых,

Дает мне право уповать на чудо

И весу придает твоим словам,

Что брат мой тоже выжил. Эта местность

Тебе знакома?

КАПИТАН. Как еще, мадам!

Неподалеку, в трех часах ходьбы

Родился я и вырос тоже здесь.

ВИОЛА. Кто правит краем?

КАПИТАН. Герцог благородный,

По имени и крови дворянин.

ВИОЛА. Зовут его...

КАПИТАН. Орсино.

ВИОЛА. Как же! Помню.

Отец мой часто говорил о нем.

Он неженат как будто?

КАПИТАН. Неженат;

По крайней мере, так оно и было,

Когда я пару месяцев назад

Отсюда выехал. Однако люди

Еще тогда судачили, что герцог —

Им только бы о герцогах судачить! —

Намерен завладеть рукой и сердцем

Оливии прекрасной.

ВИОЛА. Кто такая?

КАПИТАН. Графиня, благородная девица.

Отец ее скончался год назад,

А тут и брат, надежда и опора

Своей сестры, скоропостижно умер.

По слухам, в память о любимом брате

Она ни с кем, тем более с мужчиной,

И видеться не хочет.

ВИОЛА. Вот бы мне

На службу к этой леди поступить,

Но объявить о том, кто я такая,

Не сразу, а как случай подвернется.

КАПИТАН. Не стоит вам рассчитывать на это,

Поскольку даже герцога она

К себе не подпускает.

ВИОЛА. Капитан,

Ты, кажется, надежный человек.

И хоть порой природа наполняет

Сосуд прекрасный сущею отравой,

Ты вроде на злодея не похож:

Твой внешний вид к лицу твоим поступкам.

Тебя озолочу я, если ты

Меня не выдашь и поможешь мне

Наняться в услужение Орсино;

Ну, и снабдишь одеждою такую,

Чтобы для этой цели подходила.

Допустим, евнух я, – ты подтвердишь.

А что: я петь могу, могу играть

Почти на всем, что звуки издает —

И герцог ничего не заподозрит.

Итак, я – евнух. Ты же до поры

Молчи как рыба, не ломай игры.

КАПИТАН. Уже молчу. Но если на беду

Игру сломаю – в евнухи пойду.

ВИОЛА. Отлично! Проводи меня.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена третья

Дом графини Оливии.

Входят ТОБИ и МАРИЯ.

ТОБИ. Ну, у меня и племянница! Совершенно очумела. Сколько можно поминать своего умершего брата? Сама, того и гляди, окочурится с горя.

МАРИЯ. Зато вам, сэр Тоби, не мешало бы приходить домой засветло. Сколько можно шляться по ночам? Вашу, как вы говорите, племянницу и мою госпожу это просто бесит.

ТОБИ. Ну, и бес с ней, пусть бесится.

МАРИЯ. Неприлично что ни день являться домой в таком непотребном виде.

ТОБИ. Неприлично? Чепуха. Для кабака вид у меня как раз приличный: в такой одежде я могу употребить что угодно. И в таких сапогах. А кому это поперек горла, пусть повесится на собственных подвязках.

МАРИЯ. Когда-нибудь пьянки да гулянки встанут вам именно поперек горла. С какой стати вы ни свет ни заря приволокли в дом этого горе-кавалера? Болван

болваном, а туда же: свататься к миледи. Она сама мне сказала.

ТОБИ. Кого ты имеешь в виду? Сэра Эндрю Эгьючика?

МАРИЯ. Кого ж еще!

ТОБИ. Это молодец, каких мало в Иллирии.

МАРИЯ. Молодец против овец.

ТОБИ. Ты это брось: у него три тысячи дукатов в год доходу.

МАРИЯ. Он свой доход просаживает с ходу. Редкостный олух и транжира.

ТОБИ. Вот ведь! несет явную чушь и не краснеет! Если хочешь знать, он играет на виола-да-гамбе, без остановки лопочет на трех-четырёх языках одновременно; одним словом, природа одарила его на славу.

МАРИЯ. Обдурила! Славный дурак вышел, к тому же ерепенится сверх всякой меры. Если бы он, будучи отъявленным трусом, не усмирял в себе скандалиста, то, по словам знающих людей, давно бы уже мирно лежал в гробу.

ТОБИ. Дам руку на отсечение, что твои всезнайки – наглецы и подлецы. Никто не смеет так отзываться о нем.

МАРИЯ. Кое-кто добавляет, что вы с ним пьете в три горла с утра до ночи.

ТОБИ. А почему бы не выпить? Здоровье моей племянницы того стоит. Если я когда-нибудь перестану пить за нее, пусть у меня отсохнет глотка, а вино в Иллирии иссякнет. А все не пьющие за мою племянницу вплоть до коловращения мозгов, – трусы и сволочи. Стой, радость моя. *Castiliano vulgo!* Кажется, к нам пожаловал сэра Эндрю Эгьюпшик.

Входит ЭНДРЮ.

ЭНДРЮ. Привет, сэр Белч! Как дела, сэр Тоби?

ТОБИ. Никак, дорогой сэр Эндрю.

ЭНДРЮ. Бог с тобой, сварливая красотка.

МАРИЯ. И с вами, сэр.

ТОБИ. Никак зацепило, сэр Эндрю? Смотрите: зацепило!

ЭНДРЮ. Что это, сэр Тоби?

ТОБИ. Камеристка моей племянницы.

ЭНДРЮ. Мистрис Зацепило, давайте познакомимся получше.

МАРИЯ. Давайте, сэр. Правда, меня зовут Мэри.

ЭНДРЮ. Правда? Тогда, мистрис Мэри Зацепило...

ТОБИ. Все не так, рыцарь. «Зацепило», значит, «затянуло», «завлекло», «заворожило», «заморочило».

ЭНДРЮ. Я как-то не представлял ее себе в такой компании. «Зацепило», нечего сказать!

МАРИЯ. До скорого, джентльмены.

ТОБИ. Сэр Эндрю, чтоб тебе сроду не доставать своего клинка, если ты ее не удержишь.

ЭНДРЮ. Мистрис, чтоб мне сроду не доставать моего клинка, если я вас не удержу. Вы, что же, моя прекрасная леди, всех нас за дураков держите?

МАРИЯ. Сэр, лично вас я вообще не держу.

ЭНДРЮ. Можете и поддержать. Хотя бы за руку.

МАРИЯ. На кой мне ваша рука, сэр? Если же вы сами хотите поддержаться за что-нибудь более существенное, держитесь поближе к моим кладовым.

ЭНДРЮ. Что это, радость моя? Метафора?

МАРИЯ. По-моему, размягчение, сэр.

ЭНДРЮ. Знаете, я вовсе не такой мягкотелый, как вы полагаете. Возьмите меня за руку на пробу, вы в этом убедитесь. Но в чем смысл вашей шутки?

МАРИЯ. В том, что руки у вас не тем концом вставлены.

ЭНДРЮ. Сколько же у вас таких шуточек?

МАРИЯ. Полные руки. И хотя вы лихо сучите своими руками, детей от этого не прибавится. Тут и пробовать нечего. (Уходит.)

ТОБИ. Думаю, рыцарь, тебе не повредит глоток канарского. Так оконфузиться! Что еще, кроме шуток, могло бы с такой же легкостью вышибить тебя из седла?

ЭНДРЮ. Ничего. Кроме канарского, конечно. Уж оно-то не раз вышибало. Мне кажется порою, что я нисколько не умнее других христиан и остальных нехристей. Но если я без ума из-за говядины, которую поедаю непрерывно, то лишь потому, что я безумно ее обожаю.

ТОБИ. Спору нет, сэр.

ЭНДРЮ. Клянусь, если бы я знал это наверняка, то проклял бы всех коров на свете. Больше, сэр Тоби, ноги моей здесь не будет.

ТОБИ. Pourquoi, дорогой рыцарь.

ЭНДРЮ. Что значит «pourquoi»? Быть здесь или не быть? Вот если бы я налегал на языки, вместо того, чтобы фехтовать, танцевать и гонять медведей! Почему я

в свое время не занимался науками?

ТОБИ. Тогда бы ты безвременно облысел.

ЭНДРЮ. Разве от наук лысеют?

ТОБИ. Еще как! Носить бы тебе на лысине парик, изготовленный по всем правилам науки.

ЭНДРЮ. Не хочу. Мне еще мои волосы не надоели. Ведь правда, они ничего себе?

ТОБИ. Они великолепны. Ни себе, ни людям. Кудель да и только. Однажды какая-нибудь домохозяйка зажмет твои кудельки промеж ног и наделает из них отличной пряжи.

ЭНДРЮ. Больше ноги моей, сэра Тоби, здесь не будет. Ваша племянница не обращает на меня внимания, а если ни с того ни с сего обратит, то, держу пари, руки не подаст, ведь сам герцог гоняется за ее рукой.

ТОБИ. Плевать ей на герцога. Те, кто превосходит мою племянницу положением, сословием, возрастом или умом, ей безразличны. Она сама мне в этом призналась, как на духу. Стало быть, у тебя есть все шансы ей понравиться.

ЭНДРЮ. Если так, остаюсь еще на месяц. Я вообще очень странный человек: время от времени просто с ума схожу по балам да маскарадам.

ТОБИ. Неужели и в этом, рыцарь, с тобой нет сладу?

ЭНДРЮ. Людей моего склада нынче в Иллирии почти нет, не считая, конечно, тех, кто будет почище меня. А старики по сравнению со мной вообще не в счет.

ТОБИ. А как ты насчет гальярды, рыцарь?

ЭНДРЮ. Верьте слову, я умею вертеться волчком.

ТОБИ. Лучше телком – на вертеле.

ЭНДРЮ. А по прыжкам спиной вперед я вообще один на всю Иллирию.

ТОБИ. По какой же причине все это прячется в тени? Почему эти дары природы пылятся за семью замками на чердаке, как старые картины? Я бы на твоём месте ходил колесом в церковь, руки в боки домой, два притопа три прихлопа на прогулку и вприсядку по малой нужде. Как ты можешь так наплевательски относиться к себе и своим способностям? Мир тебе этого не простит. Твои ноги настолько безупречны по форме и содержанию, что поневоле задумаешься, не рождены ли они под звездами гальярды?

ЭНДРЮ. Да, ноги у меня довольно крепкие, а в этих огненно-красных чулках они выглядят еще стройнее. По такому случаю не устроить ли нам что-нибудь вроде пирушки?

ТОБИ. Он еще спрашивает! Разве мы не тельцы по своей сути?

ЭНДРЮ. Если вы про знак Тельца, то он означает грудь и сердце.

ТОБИ. Наоборот, сэр, ноги и бедра. Давай-ка еще разок твой коронный прыжок. Быстрее! Выше! Сильнее! Ха-ха-ха! Бесподобно!

(Уходят.)

Акт первый. Сцена четвертая

Дворец герцога Орсино.

Входят ВИОЛА в мужской одежде и ВАЛЕНТИН.

ВАЛЕНТИН. Если благосклонность герцога по отношению к вам, Цезарио, не сойдет на нет, вы определенно сделаете карьеру. Вы состоите при нем каких-

то три дня и уже стали для него своим.

ВИОЛА. Вы не уверены либо в нем, либо во мне, иначе не стали бы намекать на краткосрочность его привязанности. Он что, сэр, склонен никому подолгу не доверять?

ВАЛЕНТИН. Как можно! Я не то имел в виду.

ВИОЛА. Спасибо и на том. А вот и герцог.

Входят ОРСИНО, КУРИО и ПРИДВОРНЫЕ.

ОРСИНО. Цезарио, ты здесь? Поди сюда.

ВИОЛА. Милорд, что вам угодно приказать?

ОРСИНО. Цезарио - а вы не подходите! —

Ты знаешь все и более того.

Тебе открыл я тайные страницы

Души моей. Поэтому ступай,

Мой мальчик, и во что бы то ни стало

Поговори с ней. Будет прогонять —

Не поддавайся, стой столбом у двери,

Скажи, что ты ногами в землю врос.

ВИОЛА. Но, если верить слухам, государь,

Она так страстно скорби предается,

Что даже на порог меня не пустит.

ОРСИНО. Хоть разорвись там, хоть сломай ворота,

Но без ответа уходить не смей!

ВИОЛА. Допустим, я ворвусь к ней. Дальше что?

ОРСИНО. Срази ее признаньями моими;

Скажи о том, как пылко я влюблен,
Как предан ей и как по ней тоскую.

Ты молод, и тебе она поверит
Куда быстрее, чем взрослому послу.

ВИОЛА. Навряд ли, государь.

ОРСИНО. Мой юный друг,
Сказать, что ты мужчина, означает
Невинность дней твоих оклеветать.

Не так пунцовой губы у Дианы
И не у каждой девушки похож
На флейту голос, – на роду тебе
Написано и женщину сыграть,
И порученье выполнить мое. —

Ты, ты, а также ты идите с ним.
Нет, будет лучше, если все уйдут.

Один побуду. – Сделай все, как надо,
И станешь равным лорду своему,
С его судьбой свою соединишь.

ВИОЛА. Все сделаю, чтоб видеть вас женатым.

(В сторону.)

Задача не из легких, если я
Сама взяла бы герцога в мужья.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена пятая

Дом графини Оливии.

Входят МАРИЯ и ФЕСТЕ.

МАРИЯ. Где ты шатался? Говори, иначе я и не подумаю заступаться за тебя перед миледи. Она тебя повесит – будешь знать, как сбегать со двора.

ФЕСТЕ. Ее дело. Тем более что находиться в подвешенном состоянии гораздо спокойнее.

МАРИЯ. Это еще почему?

ФЕСТЕ. Повешенный никому не отвешивает поклоны.

МАРИЯ. Сухая шутка. Знаешь, кто, кроме тебя, в состоянии отмочить подобный каламбур?

ФЕСТЕ. Любопытно, дражайшая мистрис Мэри.

МАРИЯ. Такой же дурак, как ты. Который не может ни за себя постоять, ни за других повисеть.

ФЕСТЕ. И что с того? Бог милостив: умников наделяет здравым смыслом, дураков – вдохновением.

МАРИЯ. Уж тебя-то не помилуют: либо повесят, либо прогонят. Одно стоит другого. Выбирай.

ФЕСТЕ. Повесят – хорошо: добрая веревка – верное средство от злой жены. Прогонят – еще лучше: летом я так и так не пропаду.

МАРИЯ. Значит, ты хочешь развязать себе руки?

ФЕСТЕ. Скорее – ноги. Хотя на такой развязке я не настаиваю.

МАРИЯ. Смотри: отвяжешься – без штанов останешься.

ФЕСТЕ. Что называется, не в бровь, а в глаз! Если ты не собьешься с курса, а твой сэр Тоби не сопьется с круга, ты можешь сделаться самой заводной бабенкой – из всех иллирийских внучек Евы.

МАРИЯ. Заткнись, бродяга! Не суй нос не в свое дело. Лучше подумай, как половчей выкрутиться. А вот и миледи. Будь умницей, не оплошай. (Уходит.)

ФЕСТЕ. Остроумие, на помощь! Позволь мне как следует задурить им мозги. Иной ум, чьи претензии на тебя неосновательны, иногда заходит за разум; а ни на что не претендующая глупость вроде моей на поверку оказывается вполне разумной. На это намекает и Квинипал, который сказал: «Лучше остроумный мозгляк, чем безмозглый остряк».

Входят ОЛИВИЯ и МАЛЬВОЛИО.

ФЕСТЕ. Благослови вас Бог, миледи!

ОЛИВИЯ. Пошла вон, глупость!

ФЕСТЕ. Вы слышали, господа? Миледи изгоняет себя из нашего общества.

ОЛИВИЯ. Исчезни, тупой дурак! Надоел. В последнее время ты утратил чувство меры.

ФЕСТЕ. Одно, мадонна, можно исправить вином, другое – добрым словом. Поднесите тупому дураку пару стаканчиков, и он заблещет остроумием; скажите пару ласковых тому, кто утратил чувство меры, и тот придет в чувство. А не придет, поручите портным его перелицевать, и все будет шито-крыто.

Не случайно изодранное в клочья целомудрие подшивают грехом, а грех прикрывают штопаным целомудрием. Убеждают вас мои немудрящие аргументы – слава Богу, не убеждают – Бог с ними! Несчастный человек и рогоносец не всегда одно и то же, но красота – всегда цветок. Прекрасная леди прогоняет от себя глупость, значит, говорю я, она решила изгнать самое себя.

ОЛИВИЯ. Я имела в виду тебя, господин шут.

ФЕСТЕ. Вы несете шут знает что! Как известно, леди, *cucullus non facit monachum*, клобук не делает человека монахом. Иными словами, если на мне дурацкий колпак, это не значит, что я – набитый дурак. Дорогая мадонна, я берусь доказать, что вы сами – набитая... глупость.

ОЛИВИЯ. Неужели?

ФЕСТЕ. В самом деле, добрейшая мадонна.

ОЛИВИЯ. Ладно, доказывай!

ФЕСТЕ. Для этого, мадонна, я воспользуюсь правом первой исповеди, а вы, невинная мышка-норушка, будете отвечать мне, как на духу.

ОЛИВИЯ. Отвечу, господин шут, все равно делать нечего.

ФЕСТЕ. Милая мадонна, почему вы в трауре?

ОЛИВИЯ. Потому что у меня умер брат, милый шут.

ФЕСТЕ. По-вашему, его душа в аду, мадонна?

ОЛИВИЯ. По-моему, его душа в раю, шут!

ФЕСТЕ. Если он живет райской жизнью, нет ничего глупее носить по нем траур. Пошла вон, глупость! Джентльмены, миледи покидает нас.

ОЛИВИЯ. Как вам наш дурак, Мальволио? Похоже, он начал меняться в лучшую сторону?

МАЛЬВОЛИО. О да, он будет меняться до тех пор, пока предсмертная судорога не вытрясет из него последние мозги. К старости умные люди выживают из ума, дураки, наоборот, приходят в ум.

ФЕСТЕ. Дай вам Бог, сэра, поскорей дожить до седин, когда ваша глупость состарится до полного идиотизма. Сэр Тоби так же не спутает меня с лисицей, как и вас не отличит от кретина.

ОЛИВИЯ. Как вам это нравится, Мальволио?

МАЛЬВОЛИО. Удивляюсь вашей светлости: неужели вас действительно забавляет этот скучный мошенник? Вчера на моих глазах его шутя переплюнул один завзятый, но тупой, как башмак, балагур. Обратите внимание: ему уже не до шуточек. Не смейтесь над ними, не потакайте ему, и он перестанет открывать рот. Нам, людям умным, не следует подхихикивать этим фиглярам. В противном случае чем мы лучше их?

ОЛИВИЯ. Вы болезненно себялюбивы, Мальволио, у вас дурной вкус, вас ничто не радует. Люди великодушные, честные, открытые не относятся к шутовству всерьез, не принимают, как вы, безобидные раскаты грома за пушечную канонаду. На профессионального шута не принято обижаться, как и на благоразумного во всех отношениях человека. Потому что насмешки первого не считаются оскорблениями, а порицания второго не бывают насмешками.

ФЕСТЕ. О Меркурий, пусть она преуспеет в надувательстве за свое отличное отношение к дуракам!

Возвращается МАРИЯ.

МАРИЯ. Мадам, к нам пожаловал юный джентльмен. Он горит желанием переговорить с вами.

ОЛИВИЯ. Не от герцога ли Орсино?

МАРИЯ. Не уверена, мадам. Впрочем, это отличный молодой человек с приличным сопровождением.

ОЛИВИЯ. Почему же он не вошел?

МАРИЯ. Потому что ему не дает пройти сэра Тоби, ваш родственник.

ОЛИВИЯ. Стыд-то какой! Вели ему немедленно уйти. Когда он говорит, его можно принять за сумасшедшего.

(МАРИЯ уходит.)

Сходи лучше ты, Мальволио. Если это ходатай герцога, то я больна, померла, уехала, – все, что угодно, только бы отвязаться от него.

(МАЛЬВОЛИО уходит.)

Теперь вам ясно, господин шут, что ваши жалкие потуги давно вышли из моды. Людей они только раздражают.

ФЕСТЕ. В таком случае, мадонна, почему ты встала на нашу защиту? Можно было подумать, что ты намерена определить в шуты своего первенца – пусть Юпитер запишет в его головенку побольше мозгов, поскольку у твоего самого близкого родственника – вот и он, легок на помине! – *pia mater* мягче некуда.

Входит ТОБИ.

ОЛИВИЯ. Боже мой! Он опять пьянехонек! Кто там пришел, родственник?

ТОБИ. Какой-то джентльмен.

ОЛИВИЯ. Какой-то! Какой именно?

ТОБИ. Именно такой. Там джентльмен, между прочим. (Икает.) Пропади пропадом эта селедка! (ФЕСТЕ.) Видишь ли, дурачок...

ФЕСТЕ. Еще как, сэр Тоби!

ОЛИВИЯ. Бедный родственник! На дворе только полдень, а ты уже невменяем.

ТОБИ. Как это – не в меня ем? Я ем только в меня. Не в тебя же. Там какой-то тип появился.

ОЛИВИЯ. Это невыносимо! Кто появился?

ТОБИ. Черт его знает. Может, сам черт: захотел – и явился. Мне на него плевать. Верьте слову. Или не верьте, дело ваше. (Уходит.)

ОЛИВИЯ. Господин шут, кого напоминает пьяница?

ФЕСТЕ. Утопленника, придурка и умалишенного. Первый стакан дурит ему голову, второй – лишает ума, третий – топит.

ОЛИВИЯ. Тогда пора начать следствие по делу о самоубийстве сэра Тоби: в нем сидит никак не меньше трех стаканов. Иди посмотри, как он там.

ФЕСТЕ. Там, добрая мадонна, чуть больше двух стаканов. Иначе дураку незачем было бы смотреть на сумасшедшего. (Уходит.)

Возвращается МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Мадам, какое-то юное существо изо всех сил пытается просочиться к вам. Я сказал про вас: «Они больны». Он ответил: «Это знают все. Я пришел выразить им сочувствие». Я: «Они спят». Он: «Все может быть. Я буду ждать рассвета, чтобы пожелать им доброго утра». Больше я ничего не сказал, потому что он легко отбил бы любое мое возражение. Что теперь делать, леди, ума ни не приложу.

ОЛИВИЯ. Сказать юному существу, что оно меня не увидит.

МАЛЬВОЛИО. Я говорил. Оно ответило, что станет у двери верстовым столбом или застынет соляным столпом, но так или иначе с вами переговорит.

ОЛИВИЯ. Что это за существо?

МАЛЬВОЛИО. Мужчина.

ОЛИВИЯ. Кто бы мог подумать! Что за мужчина?

МАЛЬВОЛИО. Невоспитанный крайне. Он настаивает на своем, нравится вам это или нет.

ОЛИВИЯ. Что вы скажете о его внешности и возрасте?

МАЛЬВОЛИО. Что он моложав для мужчины, староват для мальчика; зреющий стручок, саженец яблони, среднее арифметическое между мальчиком и женщиной. В меру симпатичный, сверх меры настырный, одним словом, молокосос и больше ничего.

ОЛИВИЯ. Впусти его и пригласи камеристку.

МАЛЬВОЛИО. Камеристку – к миледи! (Уходит.)

Возвращается МАРИЯ.

ОЛИВИЯ. Поддай сюда вуаль прикрыть лицо.

Как надоели мне послы Орсино!

Входит ВИОЛА и СЛУГИ.

ВИОЛА. Достопочтенная хозяйка... Кстати, к кому из вас мне обратиться?

ОЛИВИЯ. Если вам в самом деле нужна хозяйка, я за нее отвечу. Обращайтесь.

ВИОЛА. Блистательная, совершенная, непревзойденная красавица... Я не знаком с вашей госпожой, и если это не вы, то мне бы не хотелось расточать впустую мои слова, ибо, с одной стороны, моя речь – непревзойденный образчик ораторского искусства, с другой – я приложил немало усилий, чтобы ее вызубрить. Милые красавицы, над чем вы смеетесь? Пожалуйста, будьте со мной добры: я теряюсь от плохого обращения.

ОЛИВИЯ. Откуда вы взялись, сэр?

ВИОЛА. Варианты моей роли расходятся незначительно, а отвечать на ваш вопрос, значит, нести полную отсебятину. Добрая леди, если вы действительно хозяйка этого дома, дайте мне об этом знать хотя бы намеком, иначе мое выступление останется без продолжения.

ОЛИВИЯ. Вы что, явились ломать комедию?

ВИОЛА. Нет, ваша премудрость, хотя, клянусь зубами лицемерия, я играю не свою роль. Значит, вы и есть госпожа?

ОЛИВИЯ. Если я не присваиваю себе самое себя, это в самом деле я.

ВИОЛА. Несомненно, вы себе присвоили себя, хотя одарить себя собою не значит сохранить подарок в целостности. Впрочем, я не имею права отклоняться в сторону. Итак, сейчас прозвучит речь в вашу честь, после которой вы узнаете о цели моего визита.

ОЛИВИЯ. Оставьте мою честь в покое. Переходите сразу к цели.

ВИОЛА. Почему вы не хотите услышать плоды моих титанических усилий? Это же чистая поэзия!

ОЛИВИЯ. И значит, чистейшая ложь! Приберегите ее для себя. Мне рассказали, что вы нахально пытались ворваться в дом, и я захотела не столько послушать ваши монологи, сколько посмотреть на вашу особу. Если вы сходите с ума, подите прочь; если в своем уме – говорите, но покороче: состояние некоторого затмения, в котором я временно нахожусь, не позволяет мне разыгрывать с вами сцены.

МАРИЯ. Не поднять ли вам паруса? Попутного ветра, сэра.

ВИОЛА. Эй вы там, на палубе! Мы пока не намерены сниматься с якоря. Приструните вашего исполина, госпожа. Не забывайте: я – посол.

ОЛИВИЯ. Вас, видимо, послали сообщить нам какую-нибудь гадость, если вы так отвратительно вежливы. В чем, собственно, дело?

ВИОЛА. В том, что оно касается исключительно вас. Я пришел не объявить войну, но заключить мир; не требовать дани, но вручить ветку оливы.

ОЛИВИЯ. Теперь понятно, почему вы были так грубы. Кто вы? Что вам угодно?

ВИОЛА. Поневоле научишься грубить, если тебя так встречают. Кто я и что мне угодно, так же скрывается в тени, как целомудрие: если для вас это – Закон Божий, то для других – беззаконие.

ОЛИВИЯ. Оставьте нас наедине.

МАРИЯ и СЛУГИ уходят.

Начинайте, господин законоучитель. Обнародуйте наконец свою доктрину.

ВИОЛА. Светлейшая леди...

ОЛИВИЯ. На этом догмате покоится масса теорий, излагать которые можно до конца жизни. А где хранится ваш манускрипт?

ВИОЛА. Внутри Орсино.

ОЛИВИЯ. Внутри?! В какой же части его нутра?

ВИОЛА. По одной из теорий – в сердцевине сердца.

ОЛИВИЯ. Я читала эти жуткие страницы: настоящее мракобесие. Это все, с чем вы явились?

ВИОЛА. Добрейшая госпожа позволит мне взглянуть на свое лицо?

ОЛИВИЯ. Вас послали налаживать отношения с моим лицом? Вы явно вышли за рамки роли. Все же поднимем занавес и покажем вам наше подлинное обличие. (Откидывает вуаль.) Смотрите, сэр: именно так выглядело мое лицо только что. Правда, неплохо сработано?

ВИОЛА. И если – Богом, значит, это чудо.

ОЛИВИЯ. Вы правы, сэр, материал отличный:

Ему и непогода нипочем.

ВИОЛА. С такою нежностью и мастерством

Соединять пунцовый с белоснежным

Умеет лишь природа... Вы прекрасны!

Но если вы, не повторив себя,

Сведете красоту свою в могилу,

То станете страшней всех женщин в мире.

ОЛИВИЯ. Сэр, я не совсем без сердца. Я самолично составлю всевозможные перечни моих прелестей, рассортирую их, присвою каждой учтенной единице инвентарный номер и приложу соответствующие документы к завещанию. Опись будут выглядеть примерно так: номер один: губы, алые, одна пара; номер два: глаза, серые, одна пара; номер третий: подбородок, один; номер четвертый: шея, одна; номер... и так далее. Вам что, велели узнать мою рыночную стоимость?

ВИОЛА. Я понял: вы чертовски горделивы,

Но, будь вы даже чертом, вы красивы.

Но даже если бы считали вас

Богиней красоты, вам бы пришлось

Милорда моего вознаградить —

Настолько он вас любит.

ОЛИВИЯ. И насколько?

ВИОЛА. Он вас боготворит, он слезы льет,

Он громогласно стонет от любви,

А взор его, как молния, сверкает.

ОЛИВИЯ. Но мой ответ ему давно известен:

Ну, не люблю его я. Знатен он?

Я это знаю. Благороден? Да.

Порядочен? Здоров? Силен? Конечно.

О нем худого слова не услышишь.

Нет, все твердят, что он великодушный,

Изящный, образованный, бесстрашный.

Но не люблю его я и сто раз

Ему уже об этом говорила.

ВИОЛА. Но если б, умирая от любви,

Я бы пылал и мучался, как он,

То ваш отказ меня бы озадачил:

Я б отказался это понимать.

ОЛИВИЯ. И это все, что сделали бы вы?

ВИОЛА. Нет, госпожа. Я тело бы свое

Устроил в шалаше у вашей двери,

А вас, душа моя, из дому звал;

Стихи слагал бы, чтобы по ночам

Петь песни о любви неразделенной;

«Оливия!» – я вскрикивал бы часто,

Чтоб звуки, отражаясь от холмов,

Выбалтывали миру ваше имя;

Я бы с небес, я бы из-под земли

Достал бы вас – и сжалились бы вы.

ОЛИВИЯ. Вы многого добьетесь. Кто вы родом?

ВИОЛА. Обласкан я судьбой, но по рождению

Достоин большего: я дворянин.

ОЛИВИЯ. Еще раз господину своему

Скажите, что его я не люблю

И что послов не надо... кроме вас:

Вы, скажем, захотите рассказать,

Что сделалось ему при этой вести.

Спасибо вам за труд. Возьмите это.

(Протягивает кошелек.)

ВИОЛА. Я не посол вам. Спрячьте кошелек.

Вы не меня, – милорда б наградили.

Желаю вам влюбиться с той же страстью,

С какой вас любит бедный господин,

И, налетев на каменное сердце,

Свое разбить в куски. Ну что ж, прощайте,

Прекрасная надменность!

(Уходит.)

ОЛИВИЯ. «Кто вы родом?» —

«Обласкан я судьбой, но по рождению

Достоин большего: я дворянин».

Клянусь, что так и есть. Его лицо,

Характер, внешний вид, осанка, речь

Пять раз дворянство могут подтвердить.

Да что со мной? Он все-таки слуга.

Неужто так бывает? В одночасье

Чумою заразиться? Как ни странно,

Но совершенства юноши вползают

В мои глаза и вкрадчиво, и нежно.

Что ж, пусть ползут. – Мальволио, ко мне!

Возвращается МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Готов служить, миледи.

ОЛИВИЯ. Догони

Посла Орсино и кольцо вот это,
Что здесь забыл задиристый юнец,
Ему верни – оно мне ни к чему.
Я не хочу, чтоб герцог обольщался,
Надеялся на что-то – все напрасно.
А если завтра юноша случайно
Сюда зайдет, то обо всем узнает.
Мальволио, беги!
МАЛЬВОЛИО. Бегу, мадам.

(Уходит.)

ОЛИВИЯ. Что будет дальше – не пойму сама.
Глазам поверив, я сошла с ума.
Собой распоряжаться мы слабы,
Но никуда не деться от судьбы.

(Уходит.)

Акт второй. Сцена первая

Берег моря.

Входят АНТОНИО и СЕБАСТЬЯН.

АНТОНИО. Что ж это вы: и здесь не хотите остаться, и меня с собой не берете?

СЕБАСТЬЯН. Не обессудьте, сэръ, не останусь и не возьму. Мои звезды затянуты мраком. Мой злосчастный жребий может навести порчу и на ваш. Поэтому прошу вас держаться от меня подальше: будет лучше, если я погибну в одиночку. Тянуть вас за собой, значит, ответить неблагодарностью за всю вашу любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vilyam-shekspir/dvenadcataya-noch-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)